© 1993 г.

И.В. ОБРАЗЦОВ

ВОЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ; ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ И МЕТОДОЛОГИИ. Часть I

ОБРАЗЦОВ Игорь Владимирович — кандидат социологических наук, сотрудник Центра военно-социологических, психологических и правовых исследований ВС РФ, майор. В нашем журнале опубликовал статью (1992, № 3).

Военная социология; кому она нужна

В настоящее время несмотря на конкретные шаги в области институционализации военной социологам как специальной отрасли социологических знаний, имеются серьезные препятствия для ее поступательного развития.

Первое. В отечественной социологии, на наш взгляд, сложилось определенное предубеждение относительно ее специальной отрасли, занимающейся исследованием вооруженных сил как социального института: от равнодушного в лучшем случае констатирования факта ее существования до полного игнорирования. Неслучайно поэтому вплоть до 1991 г, [1] ни в одном из многочисленных отечественных социологических справочников, словарей и учебных пособий не содержалось даже малейшего упоминания о военной социологии.

Оно и понятно; современные отечественные социологи в отличие от своих зарубежных коллег не могут, к сожалению, представить в свое оправдание ни фундаментальных теоретических трудов подобных, работам Питирима Сорокина или Куинси Райта [2], ни эмпирических результатов, аналогичных, например, проведенной по единой программе целой серии широкомасштабных социологических и социально-психологических исследований в действующей армии еще в годы второй мировой войны группой американских социологов под руководством С.Э. Стауффера [3].

Однако здесь не учитывается ряд обстоятельств, связанных прежде всего с особенностями исторического развития данной отрасли знания в родном Отечестве, но об этом ниже. А пока остановимся на рассмотрении некоторых проблем современного состояния военной социологии.

Второе. Специфика современного развития данной науки — ее существование исключительно в структуре вооруженных сил; научная разработка теоретических и методологических основ, подготовка кадров военных социологов, проведение социологических исследований в армии и на флоте осуществляются только в рамках военного ведомства.

«Ведомственное» же функционирование ставит перспективы развития военной социологии в прямую зависимость от воли ограниченного круга

должностных лиц. Иллюстрацией издержек подобного подхода является, например, четвертьвековая история существования специального социологического научно-исследовательского подразделения в вооруженных силах. Симпатиями и антипатиями тех или иных представителей высших армейских властных структур, а не насущными задачами социальной реальности зачастую определялись его назначение, состав и структура. От «отдела военно-социологических исследований Главного политического управления СА и ВМФ, до полного расформированию, последующего возрождения в виде «управления социально-политических и психологических исследований Института военной истории», а также целый ряд других организационных и структурных преобразований — таков тернистый путь нынешнего ЦВСППИ ВС РФ,

В настоящее время вряд ли можно считать оправданным тот факт, что структурные военно-социологические подразделения доведены в лучшем случае до уровня вида вооруженных сил и военного округа, чрезвычайно малочисленны и зачастую укомплектованы неспециалистами, В связи с этим основная нагрузка в проведении военно-социологических исследований лежит исключительно на ЦВСППИ ВС РФ. В то же время вполне справедливо найдена возможность штатные должности, например, психологов довести до уровня отдельной воинской части.

Третье. Опасные тенденции имеют место в процессе становления военной социологии в качестве учебной дисциплины в военно-учебных заведениях МО РФ. Среди всего комплекса общественных наук, преподаваемых в них, курсу социологии (военной социологии) отводится, как правило, самый малый объем времени. Так, в типовом 350—400-часовом учебном курсе общественных наук в военных академиях на изучение социологии в лучшем случае отводится 50—60 часов учебного времени. 550—600-часовой курс общественных наук в высших военных училищах с четырехгодичным сроком обучения изучению социологии уделяет, как правило, не более 40—50 часов учебного времени (при, например, 150-часовом курсе философии или 80—100-часовом — политологии).

Да и сами программы существующего учебного курса в содержательном плане зачастую дублируют философскую, психологическую и политологическую проблематику, а на практическое освоение слушателями и курсантами методов социологических исследований времени практически не отводится.

Кроме того, в ряде военных вузов в последнее время вообще наметилась тенденция на отказ от преподавания данной дисциплины путем включения нескольких тем ее курса в такие предметы, как политология или социальная психология (например, в одном из вузов в 80-часовом курсе «Социальная психология и военная социология, на изучение собственно социологической проблематики отведено... 18 часов учебного времени). Принятое недавно решение о почти трехкратном увеличении учебного времени, отводимого на изучение безусловно нужного для военных кадров предмета — психологии, может привести к перераспределению учебного времени в курсе общественных наук прежде всего за счет социологии.

Примеры можно приводить и далее, однако настораживает не столько сам волюнтаристский подход к формированию учебных программ и планов, при котором социологии в них не находится места, сколько уже успевшее сложиться в военных кругах общественное мнение о данном предмете. ЦВСППИ ВС РФ в октябре—ноябре 1992 г, провел опрос преподавателей, слушателей и курсантов ряда военных академий и училищ по проблемам перспектив развития военного образования в стране. В ходе него, в частности, определились приоритеты в оценке необходимости для современного офицера конкретных знаний в области общественных наук: за необходимость изучения в военных вузах истории Государства Российского высказалось 90% опрошенных, права — 89%, психологии и педагогики воинской службы — 87%, культурологии — 81%,

экономической теории — 64%, философии — 62%, политологии — социологии — 47%.

Причин подобных оценок можно называть несколько, однако, на наш взгляд, самой существенной из них является дискредитация в ряде случаев данной дисциплины в глазах слушателей и курсантов неквалифицированным ее преподаванием.

Изменения в содержании курсов общественных наук в военных вузах после событий августа 1991 г. потребовали отказа от преподавания партийно-политической работы и научного коммунизма и введения ряда новых предметов обучения, в том числе и социологии (преподававшейся ранее, к слову сказать, только в отделениях специализации в Военно-политической академии имени В.И. Ленина).

Однако отсутствие квалифицированных специалистов в области новой для военных вузов науки (первый выпуск преподавателей военной социологии состоялся в Гуманитарной академии ВС РФ только в июне 1993 г.), а также необходимых учебных и учебно-методических пособий привело к искусственному уменьшению времени, отводимого на изучение социологии и к самодеятельности каждого учебного заведения в формировании содержания учебного курса данной дисциплины. Это, в свою очередь, не могло не сказаться и на негативном отношении к данному предмету и недооценке его значения в деятельности военных кадров со стороны слушателей и курсантов военно-учебных заведений.

Четвертое. Недостаточная научная разработанность теоретических и методологических основ военной социологии, отсутствие объективной оценки исторического пути данной науки отрицательно сказывается на ее современном развитии.

Несмотря на издание за последние два десятилетия значительного количества работ по военно-социологической проблематике [4], до сих пор ни в одном из военных вузов (в том числе и базовом — Гуманитарной академии ВС РФ, осуществляющем подготовку кадров военных социологов) не создано целостного учебника или учебного пособия по курсу военной социологии. Работа, начатая в этом направлении межвузовским коллективом авторов под руководством профессора И.С. Даниленко еще в 1990 г, была неожиданно свернута и до настоящего времени не возобновлена. Хотя, например, по курсу военной политологии (дисциплине, делающей только первые шаги в системе военного образования) учебные пособия выпущены практически всеми военными академиями.

Не лучшим образом обстоят дела и с подготовкой научных кадров в этой области. За три года существования кафедры военной социологии в ГАВС не проведено ни одной защиты кандидатских диссертаций по социологическим наукам ввиду отсутствия в этом учебном заведении соответствующего специализированного совета. Адъюнкты кафедры социологии вынуждены изыскивать возможности для защиты своих диссертаций в специализированных советах по социологическим наукам гражданских вузов.

Единственная в Вооруженных Силах кафедра военной социологии (ныне социологии) ГАВС переживает в настоящее время не лучшие времена: вплоть до последнего времени в ее составе не имелось ни одной штатной профессорской ставки; негативно на качестве учебно-методической и научной работы сказалось и «усиление» ее состава преподавателями и адъюнктами ликвидированной в1991 г. кафедры партийно-политической работы (ведь и без этого среди преподавательского состава кафедры специалисты с базовым социологическим образованием составляли от общего числа не более 10%). Вместе с тем не находит своего возобновления существовавшая ранее практика приглашения для чтения лекций по актуальным проблемам социологии ведущих отечественных ученых.

Все вышеизложенные, а также некоторые другие причины создают ситуацию, когда полнокровное развитие военной социологии уже длительное время продолжает оставаться под вопросом. Наука, которой должна принадлежать важная роль в диагностике социальных отношений и процессов, разворачивающихся в армии и обществе, а также в выработке обоснованных научных рекомендаций управленческим военным структурам, вынуждена постоянно доказывать свое право на существование.

Не касаясь сущности мероприятий организационного плана, необходимых для кардинального изменения сложившегося положения, приведем несколько замечаний относительно некоторых исторических и методологических проблем военной социологии. При этом мы, не претендуя на всеобщность охвата рассматриваемых вопросов и адекватность оценок, просим заинтересованных читателей воспринимать настоящую статью лишь как приглашение к дискуссии.

Мы первые?

Один из путей решения проблем становления военной социологии видится в глубоком творческом осмыслении исторического опыта развития этой науки в нашей стране и за рубежом. В настоящее время, когда происходит переосмысление всего исторического пути нашего Отечества (с одной стороны, начинают исчезать «белые пятна», а с другой — наблюдается тенденция к исключительно негативной оценке последних семи десятилетий в жизни страны), возникает необходимость глубокого анализа истории развития отечественного обществоведения в целом и социологии, в частности.

И если история отечественной социологии уже нашла свое отражение в специальной литературе, дающей как комплексное представление ее исторического пути с сере дины XIX века до наших дней, так и в определенных временных границах (например, дооктябрьский период [5] или развитие социологии с 1917 г. (советский период) [6]), то историю отечественной военной социологии еще предстоит в значительной мере воссоздать. Это вызвано прежде всего тем, что работы, непосредственно посвященные анализу развития этой науки малочисленны и недостаточно полно отражают ее исторический путь.

Возникновение российской военной социологии долгие годы рассматривалось исключительно в рамках марксистско-ленинского подхода к анализу социальной реальности и связывалось с трудами по проблемам войны и армии, принадлежавших перу В.И. Ленина, И.В. Сталина, Н.И. Бухарина, Л,Б. Троцкого, М.В. Фрунзе и других политических и военных деятелей Советской России, К такому выводу в свое время пришли Н.Е. Бужкевич, В.П. Сергеев, В.М. Сокрут [7] и другие исследователи. Нужно отметить, что преобладание подобной точки зрения не способствовало объективному отражению вклада отечественных ученых в создание этой отрасли знания.

Первые серьезные попытки осмысления исторического пути, пройденного отечественной военной социологией начали предприниматься лишь с середины 80-х годов. Одними из первых обратились к этой проблеме В.Н. Ведерников и Г.П. Регентов, а позднее и В.В. Серебрянников, проанализировавшие социологические воззрения таких русских военных ученых, как; А.К. Байов, М.И. Драгомиров, К.М. Дружинин, П.А. Гейсман, Н.А. Корф, Г.А. Леер, Ф.А. Макшеев, Д.Ф. Масловский, Д.А. Милютин, Н.П. Михневич, А.З. Мышлаевский, Б. Панаев [8] и П.А. Режепо [9].

Введение в научный обиход имен ряда русских ученых в немалой степени способствовало расширению наших представлений об истоках зарождения отечественной военной социологии, однако, в то же время в известной степени привело и к формированию неверного представления об исключительном приоритете наших соотечественников в формировании основ данной области знания.

Действительно, при анализе истории возникновения и развития российской военной социологии, можно в дополнение к вышеприведенному списку назвать и такие имена российских ученых, как: П.А. Апостольский, А.И. Введенский, Г.А. Гуревич, Б.Н. Демчинский, В.С. Заболотный, М.В. Зенченко, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, Г.Л. Комаровский, С.К. Кузьмин, ЕЖ Мартынов, В.П. Милютин, К.М. Оберучев, А.К. Пузыревский, В.А. Самсонов, В.Г. Сенатов, В.С. Соловьев, П.А. Сорокин, Л.А. Тихомиров, Д.Н. Трескин, Б.Н. Чичерин, Г.Е. Шумков и др., научные труды которых оказали значительное влияние на зарождение в нашей стране и, отчасти, за рубежом социологического подхода к анализу явлений и процессов войны.

Однако процесс осмысления войны как общественного феномена находил свое развитие не только в России, поэтому более продуктивным нам представляется рассмотрение взглядов отечественных ученых в контексте развития мировой науки в целом.

Период возникновения и становления социологического подхода к анализу явлений войны, растянувшийся на несколько десятилетий, начиная с середины XIX века, завершился кровавой бойней первой мировой войны. В ходе него и произошло окончательное оформление разрозненных взглядов о войне в научно-теоретические концепции, заложившие основы для возникновения социологии войны. Именно в это время подготовлена почва для последующей институционализации новой отрасли научного знания.

XIX век, на вторую половину которого и приходится рассматриваемый период формирования социологического подхода к явлениям войны, был чрезвычайно насыщен военными столкновениями государств мира и, особенно, Европы. Так, только с 1801 по 1900 гг. Франция вела войну 74 года; Англия и Испания — по 53,5; Россия— 53; Турция — 39,5; Австро-Венгрия — 25 **[10,** р. 324] и т.д. Кроме того, уже в начале XX столетия разразились русско-японская, балканская, англо-бурская и первая мировая войны.

Так что грозная стихия, постоянно напоминая о себе, приковывала внимание ученых всех стран. Именно в этот период появляется целый ряд работ социально-философской и социологической проблематики, отражавших те или иные аспекты войны как социального явления [11].

Характеризуя направленность подходов к анализу войны как явлению общественной жизни, окончательно сложившихся к середине XIX века и имевших впоследствии своих сторонников и противников на протяжении многих десятилетий, следует выделить три различных направления научных поисков, которые можно условно определить как; «пацифизм», «апологетика» и «плюрализм».

Первое направление, рассматривавшее войну в качестве пережитка варварства в жизни человеческого общества, объединяло с момента возникновения социологии подавляющее большинство ученых всех стран, в том числе и российских: П.А. Сорокина, Н.И. Кареева, В.Л. Милютина, А.О. Шидловского, Б.А. Гуревича и др. Наиболее последовательными проводниками идей пацифизма выступали эволюционисты: А. Шеффле, П. Лилиенфельд, Р. Вормс, А. Эспинас, Э. Тайлор, Д. Фрейзер, а также ученые — приверженцы других направлений в социологии.

Взгляды каждого из представителей данной группы ученых, рассматриваемые изолированно или в качестве направления в целом, на причины возникновения и устранения войн в анализируемый нами период претерпевали определенные изменения и часто исключали друг друга. Но в одном все они были едины: война несет только неисчислимые беды человечеству и потому должна быть исключена из социальной практики.

В этой связи характерен «социокультурный» или ценностный подход П.А. Сорокина к анализу войны, основы которого были заложены еще в российский

период его деятельности и окончательно сформулированы в конце 1930-х годов в его «Социальной и культурной динамике».

Так, главную причину войн он видит прежде всего в ослаблении процесса усвоения обществом или его отдельными частями системы основных ценностей и соответствующих норм (религиозных, нравственно-юридических, научных, экономических, политических, эстетических), в нарушении их совместимости. Поэтому и необходимые условия мира, по его мнению, могут заключаться в следующем: «во-первых, основной пересмотр и переоценка большинства современных культурных ценностей; во-вторых, действительное распространение и внедрение во все государства, народы и общественные группы системы основных норм и ценностей, связующих всех без различий; в-третьих, ясное ограничение суверенности всех государств в отношении войны и мира; в-четвертых, учреждение высшей международной власти, обладающей правом обязательных и принудительных решений во всех международных конфликтах, [12, с. 245].

Второе направление, состоявшее из ярых апологетов войны было прежде всего представлено последовательными приверженцами социал-дарвинизма, утверждавшими, что борьба за существование — закон, присущий человеческому обществу в той же степени, что и животному миру, а естественный отбор, находящий свое высшее проявление в войне, таким образом, прогрессивен.

Подобные взгляды характерны для Э. Ферри, М. Ваккаро, Г. Ратценхофера, Л. Гумпловича, Л. Вольтмана, Ж. Лапужа и др.

Среди русских социологов наиболее последовательным представителем данного направления являлся Яков Новиков (опубликовавший большинство своих работ на французском языке); наряду с абсолютизацией силового противоборства государств как необходимого фактора прогресса, все же большее предпочтение он отдавал борьбе экономической и интеллектуальной, нежели войне как крайнему средству проявления этого противоборства [13, p. 442].

Крайняя радикальность суждений часто выводила некоторых из представителей данного направления на откровенно расистские позиции. Однако именно «апологетам» войны мы в большей степени обязаны значительным объемом работ по интересующей нас проблематике.

Целесообразно привести точку зрения на эту проблему признанного на Западе и* малоизвестного у нас социолога Р.С. Штейнметца[1]. В своих работах «La guerre comme probleme soeiologique» (1899), «Philosophic des Krieges» (1907) и «Soziologie des Krieges» (1929) он последовательно утверждал мысль о том, что коренное отличие человека от животного выступает в виде «дара войны», и именно ему обязана своим развитием вся человеческая культура. Война, по его мнению, как вид межгосударственной конкуренции играет роль верховного судьи и реформатора в жизни человечества: все отрицательные стороны войны с лихвой покрываются ее важнейшей функцией — обеспечением существования государства как такового. Ибо без ведения войны, существование последнего теряет смысл: «Невозможно желать жизни государству и одновременно с этим отказывать ему в проявлениях этой жизни... без войны нет государства... Не будь войны, ее пришлось бы выдумать» [14, с. 189—190].

Третье направление — «плюралистическое» основывалось на признании положительной роли войны в прошлом человечества или в определенных ситуациях настоящего и, в то же время, констатировало процесс ее отмирания в современную эпоху, как пережитка варварства.

Оно наиболее пестро по своему составу: сюда можно было бы отнести и основателя теории эволюционизма Г. Спенсера, приписывавшего войнам в прошлом историческом развитии человечества прогрессивную роль по

созданию обширных государств и цивилизации в целом, и ММ. Ковалевского с его концепцией социальной «замиренности», допускавшего протекание процесса эволюции как естественным путем, так и посредством войн, и, наконец, представителей диалектико-материалистического подхода в социологии к анализу войн — К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и их многочисленных последователей в нашей стране.

И если вплоть до недавнего времени в отечественной военной социологии скрупулезно изученное и обоснованное марксистско-ленинское учение о войне и армии играло роль господствующей идеологии, а всем остальным подходам было отказано в праве на существование, то в настоящее время наблюдаются попытки вовсе отказаться от марксистского подхода. Свое отношение к данному вопросу мы намерены отразить далее — при рассмотрении методологических проблем военной социологии, а пока ограничимся следующим замечанием. Признавая недостатки марксистского учения о войне и армии, мы, вместе с тем, должны видеть и использовать сильные стороны данной теории, творчески подходить к применению отдельных ее положений.

Подводя итог несколько фрагментарному рассмотрению различных подходов к анализу войны, отметим следующее.

Во-первых, «пацифистское» направление, отрицавшее за войной право на существование, в большинстве своем игнорировало как бессмысленное занятие научное изучение процессов и явлений войны, считая это в основном «привилегией» в лучшем случае социал-дарвинистов. В итоге формирование социологического подхода к анализу войны и создание социологии войны как самостоятельной отрасли социологического знания стало уделом представителей последнего направления.

Во-вторых, «плюралистическое» течение, в том числе и диалектико-материалистический подход, отличалось уходом от крайних суждений в оценках и более взвешенным научным подходом, характеризовавшим войну как многофакторное, сложнодетерминированное явление общественной жизни.

В-третьих, выделение собственно социологического подхода во всем многообразии существовавших в то время теоретических предпосылок к анализу явлений войны представляется весьма сложным занятием ввиду эмбрионального состояния самой социологической науки в рассматриваемый период.

Действительно, война выступала в качестве предмета исследования как мыслителей античности, так и философов средневековья, но о социологическом подходе, его формировании, мы можем говорить, только начиная с конца XIX века. Очевидно предположить, что причины кроются в каких-то особых приемах анализа, ранее не применявшихся в общественных науках, а именно — позитивистской методологии. Именно попытки выяснения неизменных истин, взаимосвязей и закономерностей в явлениях войны приводят часть исследователей к более глубокому изучению этого социального феномена и пока еще робкой опоре на эмпирические данные.

Заключая краткий обзор основных направлений развития социально-философской и социологической мысли, нужно отметить, что истоки социологии войны содержатся как в трудах основоположников социологической науки, так и во взглядах военных ученых. И если первые пытались проникнуть в суть этого явления через внешние факторы его проявления (влияние войны на человека и все сферы общественной жизни) и выяснение роли войны в процессах развития общества, при этом не вдаваясь в существо военных столкновений, то военные ученые, наоборот, шли от понимания сущности боя и войны к их зависимости и влиянию на социальную жизнь общества.

Итак, наряду с исследованиями войны в рамках формирования общего социологического подхода, параллельно предпринимались попытки социоло-

гического анализа войны и в области военных наук, И если процесс формирования социологии войны в лоне «гражданской» науки все же нашел отражение в литературе [15] и, в связи с этим, не вызывает особых разночтений, то развитие этой дисциплины в недрах науки военной до сих пор является дискуссионным вопросом.

Остановимся на поисках военных ученых. Задержка в развитии социологии войны происходила, как мы уже частично отмечали, по причине того, что «в военной среде непосредственные практические потребности в научном исследовании войны ограничивались рамками изучения способов ведения войны... в среде же представителей общей науки до войны 1914—1918 гг. существовало определенное пренебрежение к изучению войны, последняя считалась пережитком варварства и всецело предоставлялась изучению господ военных» [16, с. 33—34].

Таким образом, возникал замкнутый круг, вырваться из которого, не изменив отношения к изучению войны и не применяя специальных методов, было невозможно.

Военная наука в лице ее лучших представителей пыталась самостоятельно выйти на путь «положительного» знания с целью «установить принципы» правила или даже системы ведения войны» [17, с, 70]. Под «положительным» же было принято понимать согласно закону «трех стадий» О. Конта высшее состояние науки, уже прошедшей теологическую и метафизическую стадии. Такой наукой, по замыслу военных ученых, должна была стать стратегия в качестве «высшего» синтетического учения о войне, способного объяснить сущность любого ее явления.

Главными творцами стратегии стали крупные полководцы своего времени. Каждый из них имел собственную точку зрения на те основания, которые должны быть положены в основу этой науки. Так, Г. Ллойд[2] первым (1801) поставил вопрос о стратегии как «положительной» науке, Г. фон Бюлов[3] ввел «учение о базе и магазинах» (геометрия), эрцгерцог Карл[4] — теорию «ключа территории» (география), А. Жомини[5] — теорию «внутренних операционных линий» (механика) и классификацию войн, К. фон Клаузевиц[6] — идею взаимодействия, сокрушения, измора и тесной взаимосвязи войны с политикой, Х. фон Мольтке[7] — понятие разделения труда и расчленения Г.А. Леер[8] — учение об операционной линии и т.д. Французский же военный деятель И. Гибер[9] поставил изучение военного дела в «тесную связь с политикой и той областью знания, которая со времен О. Конта называется социологией» [18, с. 58].

Однако именно поиски основ стратегии привели к расколу военных ученых на две группы: не нашедших исчерпывающих научных объяснений происходящим на войне явлениям, а потому разочаровавшихся в возможности создания «положительной» науки, и людей, продолжавших поиски, пытавшихся открыть законы и принципы, управляющие стихией войны.

Основоположником первого направления выступил К. фон Клаузевиц (внесший, тем не менее, своим трудом «Vom Kriege» (1832), пожалуй, самый значительный вклад в дальнейшее развитие военной науки вообще и, военной социологии, в частности). Он писал: «Представляется абсолютно невозможным снабдить военное искусство подлинниками в виде положительной научной системы, которая давала бы во всех случаях внешнюю опору военному деятелю» [17, с. 70].

Его идеи были поддержаны выдающимся военным деятелем России генералом М.И. Драгомировым[10], считавшим, что «в настоящее время никому и в голову не придет утверждать будто может быть военная наука; она немыслима точно так же, как немыслимы науки: поэзии» живописи, музыки...» [19, с, 46]. Таким образом, направление К. Клаузевиц — М.И. Драгомиров, полагая ведеиие войны делом чрезвычайно трудным, а потому исключительно творческим,

выступало за придание стратегии статуса военного искусства и отрицало возможность установления в явлениях войны каких-либо закономерностей.

Истоки второго направления вели к генералу Г. Ллойду, пытавшемуся еще в XVIII веке выяснить закономерности войны в виде определенных принципов. Эта линия была затем продолжена Х. фон Мольтке и русским генералом Г.А. Леером, считавшим, что «общие признаки» отвлеченные от большого числа тщательно исследованных явлений, и дадут действительные законы, служащие прочной основой науки. С этой минуты наука вступает в положительный период своего существования...» (20, с. 1]. Это положение, впервые высказанное им еще в 1869 г., было принципиально важным в методологическом плане, как мы увидим в следующем параграфе, для дальнейшего развития социологии войны.

Признавая определенную односторонность «элементарных» военных наук (тактики, фортификации, артиллерии и т.п.) в познании явлений войны, Леер видел единственный путь к получению объективных знаний в том, чтобы «смотреть на дело в целом, исследовать со всех сторон, во взаимной связи последних между собой, т.е. синтетически...» [Там же]. Именно эту задачу и призвана решать наука стратегия, понимаемая в шире ком смысле как «синтез всего военного дела, его обобщение, его философия... Как философия вообще стремится к объяснению мировых явлений, так и стратегия, понимаемая в самом широком смысле, как философия военного дела, имеет задачей объяснение военных явлений не только каждого по одиночке, но и в особенности — общей связи между ними» [Там же, с. 2).

Таким образом, представителями второго направления и, прежде всего, Г.А. Леером стратегия делится на стратегию — искусство («науку о ведении войны») и стратегию — науку («науку о войне»). И если первая понимается в узком смысле, как «тактика театра военных действий», то во втором значении (широком) — это «философия военного дела», или войны. Именно этой второй, «стратегии-науке» и отводятся функции выявления закономерностей в явлениях военной стихии, формулирование общих принципов и открытие законов войны. Разработка концепции «положительной» науки была продолжена Леером и в его последующих работах.

Взгляды Леера были творчески развиты его последователями. Один из них — Генерального штаба капитан барон Н.А. Корф[11], развивая мысль своего учителя о том, что стратегия в широком смысле является философией войны, делает вывод — только она способна «научно обосновать различные отрасли военного знания, связать его с науками общественными и объединить его в высшем единстве» [18, с. 33].

Описывая затем «низшие, военные науки («низшую, стратегию, тактику, статистику, военную психологию и педагогику, военную политику, фортификацию, топографию и др.), он среди прочих впервые в отечественной науке выделяет и «военную социологию». Обосновывая необходимость создания новой отрасли знания, Корф заключает, что последняя должна заниматься «специально изучением социальных явлений с военной точки зрения, и стать «наукой о военно-социальных явлениях» [Там же, с. 66].

В качестве предмета «военной социологии, он предлагает, в частности, рассмотрение последней социальных явлений «с совершенно особой — военной точки зрения» [Там же, с. 67]. Однако под социологией в целом он понимает нечто вроде симбиоза различных общественных наук: «теологии (богословской науки), политической экономии, юриспруденции (науки о праве) и этики (науки о нравственности) » [Там же, с. 71].

Другой последователь Г.А. Леера — профессор Николаевской академии Генерального штаба генерал Н.П. Михневич[12], рассматривавший войну с двух сторон: *«1)* как явление в жизни человеческих обществ и 2) с точки зрения специально-военной, т.е. употребления силы для одержания победы над врагом»

(21, с, 1). Изучением войны в первом смысле, по мнению Михневича, занимается «один из отделов динамической социологии, и степень точности ее выводов в этой области находится в полной зависимости от развития общественных наук вообще» [Там же]. Таким образом, в основе «высшей» науки о войне (стратегии, понимаемой в широком смысле) он впервые предлагает использовать социологию. Идея Н.П. Михневича, как мы сможем убедиться далее, найдет свое развитие уже в 1930-х годах в трудах другого русского военного исследователя Н.Н. Головина.

Таким образом, разработка военными учеными концепции «синтетической» науки стратегии привела их постепенно от принятия за первооснову последней сначала точных наук (геометрии, географии, механики, и др.) к выделению в качестве таковой сначала философии, а затем и социологии. К началу XX столетия это послужило методологической базой для формирования социологии войны в качестве самостоятельной науки.

Первые, но не мы одни...

На наш взгляд, выяснение приоритета в возникновении и развитии военной социологии как специальной социологической отрасли представляется неперспективным занятием во всех отношениях. Целесообразнее анализировать значение вклада ученых тех или иных стран в определенные периоды развития этой науки, не забывая при этом выяснять преемственность и взаимовлияние в их научных взглядах, без которых невозможен прогресс в любой отрасли научных знаний. Именно к таким выводам можно прийти в рассуждениях о приоритетности в военной социологии на основе дальнейшего анализа исторического пути развития данной науки на рубеже XIX—XX веков.

Формирование социологического подхода к анализу явлений и процессов войны, как мы видели, проходило активно как в рамках социальной философии и социологии, так и в военных науках, прежде всего в стратегии. Однако специфика социологического анализа такого сложного социального явления, каковым является война, требовала применения специальных методов исследования. И они были найдены в таких отраслях научного знания как психология и статистика.

Психологическая наука в России имела более глубокие корни; в числе других русские ученые занимались разработкой и проблем военной психологии.

Главным научным центром в данной области являлась кафедра неврологии и психиатрии Военно-медицинской академии, долгие годы возглавляемая В.М. Бехтеревым, который организовал при ней анатомическую, психиатрическую и экспериментально-психологическую лаборатории. В них проводились интенсивные медико-биологические и психологические исследования, связанные со сферой военно-функциональной деятельности военнослужащих, Это способствовало образованию целой плеяды его учеников и последователей, таких как: В.В. Абрамов. Н.И. Бондарев, Н.М. Доброворский, В.П. Осипов, Г.Е. Шумков и др. 122, с. 681.

Самым выдающимся из них был доктор медицины Г.Е. Шумков[13], положивший начало возникновению практической военной психиатрии в ходе русско-японской войны. Работая в Харбинском военном госпитале, он собрал уникальный материал о поведении различных категорий военнослужащих в разных ситуациях боевой деятельности. Изучая физиологические изменения в человеке под воздействием опасности, угрожающей ему в бою, Шумков в этих физиологических изменениях (частоты пульса, ритма дыхания, сердцебиения, состояний психики и т.п.) видел «те объективные показатели, которые помогут ввести в область субъективного психоанализа экспериментальную проверку» [23, с. 134—135].

В своих научных изысканиях он приходи к выводу о том, что «зная поведение участника боя; его действия и поступки, и мы можем сказать о волнующих его чувствах и течении мыслей» [Там же, с. 3]. Являясь председателем секции военной психологии Общества ревнителей военных знаний, Шумков внес большой личный вклад в становление психологии, пропаганду ее роли и значения в военной области. Так, с целью обобщения опыта поведения человека в бою, в 1907 г, он разрабатывает и рассылает офицерам — участникам русско-японской войны специальную анкету (см. с. 64—67 настоящего номера) [24, с. 1—7]. Данная анкета, к слову сказать, и с сегодняшних позиций может являть собой образец социологического инструментария.

Работы доктора Шумкова нашли широкое распространение в военных кругах, однако продолжения начатая им работа не имела, так как не в полной мере была оценена высшим военным руководством.

Помимо прикладного характера работ Г.Е. Шумкова, в указанный период появляется целая серия работ теоретического плана, посвященных разработке проблем предметной области, целей, задач и роли военной психологии в военном деле таких авторов, как: В.М. Бехтерев, Н.Н. Головин, А.В. Зыков, П.И. Изместьев, А.А. Коропчевский, Н.А. Корф, С.А. Кузьмин, Н.А. Орлов, В.Е. Пепелищев, А.С Резанов, Н.А. Угах-Огорович, В.Н. Халтурин [25] и др.

С осени 1896 г. в Николаевской военной академии начали читаться лекции по психологии [18, с 119].

Однако неверно было бы считать, что разработка данной области научного знания осуществлялась трудами только российских военных ученых. Достаточно назвать лишь некоторые работы иностранных авторов, появившиеся в печати в этот же период: М. Кампеано «Очерки по военной индивидуальной и коллективной психологии» (1900); Л.М. Гоше «Очерк психологии войсковой части и командования» (1910); Г.П. Патрик «Психология войны» (1915); Б.Эльтинге «Психология войны» (1915); Г. Лебон «Психология Великой войны» (1916); В. Троттер «Стадные инстинкты в дни мира и войны» (1916); М. Конвей «Толпа времен мира и войны» (1916) и др. Нужно также отметить, что некоторые из названных книг были своевременно переведены на русский язык и плодотворно использовались отечественными учеными.

Можно сделать вывод о том, что как экспериментально-технологический подход Г.Е. Шумкова, так и обоснование фундаментальных понятий военной психологии отечественными и зарубежными авторами в значительной степени не только способствовали становлению этой отрасли знаний, но и оказали существенное влияние на формирование социологического подхода у ряда исследователей войны. Некоторые из них считали военную психологию составной частью или вспомогательной наукой для социологии войны (например, социологические концепции Н. А. Корфа и Н.Н. Головина) .

Что касается формирования социологического подхода в рамках военной статистики, то в России эта область знания получила приоритетное развитие еще в 50-х годах XIX столетия, после выхода в свет в 1847—1848 гг. «Первых опытов военной статистики» генерала Д.А. Милютина[14] и организации последним в 1847 г, в Императорской Николаевской военной академии первой в мировой практике кафедры военной статистики и чтения учебного курса по данной дисциплине [26, с. 63].

Наряду с трудами Д.А. Милютина по данному вопросу в этот период появляется целая серия работ и других отечественных авторов [27]. В российской армии проводились широкомасштабные статистические обследования, например, ставшие регулярными с конца 1880-х годов военно-повозочная и военно-конская переписи (1888—1912), В 1910—1914 гг. издавался «Военно-статистический ежегодник армии» и другие статистические справочники.

В этот же период в российских военных кругах получают широкий отклик и работы иностранных авторов: А, дю Пик «Военные этюды, (1880); О. Берндт «Число на войне» (1897); Г, Бодарт «Военно-исторический словарь войн 1618—1905» (1908) и «Людские потери в современной войне» (1916), С.В. Никсон «Война и национальная статистика» (1916) и др.

Разработанные на основе отечественных и зарубежных работ статистические методы применялись российскими учеными для решения различных задач в деятельности войск.

Так, например, на основе изучения регулярно публиковавшихся Генеральным штабом статистических данных об офицерском и генеральском составе вооруженных сил Российской империи (сборники: «Общий список офицерским чинам Русской Императорской армии», «Список генералам по старшинству», «Список полковникам по старшинству» и др.) Генерального штаба полковником П.А. Режепо[15] и отставным полковником К.М. Оберучевым независимо друг от друга были проанализированы такие вопросы, как изменения в социальном составе офицерского корпуса и состояние его служебного роста. Полученные данные подкреплялись обширным статистическим материалом, однако в их интерпретации проявились значительные отличия.

Если, например, П.А. Режепо отмечал лишь некоторые недостатки в кадровой политике, наличие которых увязывалось прежде всего с экономическим положением государства, то К.М. Оберучев показал вопиющую несправедливость, изначально заложенную в систему комплектования и служебного роста офицерского состава. Он писал: «При движении офицеров по служебной стезе к высшим строевым командным должностям нестроевому элементу отдается большее предпочтение, чем строевому, деятелям мирного времени большее, чем боевым, гвардейцам большее, чем армейцам и над всеми офицерскими корпорациями царит Генеральный штаб, как военные избранники, которым дарованы в армии лучшие места независимо от их талантов, способностей, дарований и подготовки всей прежней службы» [28, с. 50].

В целом, уровень развития в России как государственной земской статистики, так и военно-статистической теории и прикладных военно-статистических исследований способствовал быстрому зарождению и формированию социологического подхода *к* анализу социальных явлений.

Наряду с психологическими и статистическими исследованиями в российской армии начала XX столетия успешно использовались и социологические методы сбора информации, например, анкетный опрос.

Так, в феврале—марте 1906 г. по инициативе начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Ф.Ф. Палицына и начальника Академии Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.П. Михневича по итогам русско-японской войны был проведен письменный опрос офицеров и генералов российской армии — выпускников Академии Генерального штаба, окончивших ее в 1880—1903 гг., преимущественно участников этой войны.

Перед респондентами были поставлены два вопроса: 1) какие недочеты выявила война в специальной подготовке и практических кавыках офицеров и 2) какие следует произвести изменения в академическом образовании с учетом опыта войны. Письма с вопросами были разосланы по 300 адресам во все военные округа и центральные управления. К сентябрю 1906 г. поступило лишь 20% от числа разосланных анкет [29, с. 99]. Однако, по заключению комиссии, их количество было признано достаточным, чтобы сделать выводы, «которые являлись бы обобщением взгляда на поставленные вопросы» [30].

Лейтмотивом полученных ответов являлась мысль о полной неготовности России и ее армии к войне, офицерами и генералами были высказаны интересные предложения по улучшению качества боевой подготовки офицерского

состава и войск. Некоторые из данных предложений руководство Генерального штаба использовало при проведении военных реформ 1906—1912 гг.

Другой пример связан с введением в 1910—1912 гг. в Николаевской военной академии новой системы обучения тактике, основанной на применении «прикладного, метода. После двух лет практической апробации данной методики одним из инициаторов ее применения Генерального штаба полковником Н.Н. Головиным был проведен анкетный опрос 42-х слушателей младшего класса академии, которым было предложено высказать свое мнение как о плодотворности новой системы обучения в целом, так и относительно различных видов занятий. Собранная таким образом информация полностью подтвердила результативность новых методов обучения [31].

Подводя итоги рассмотрению периода зарождения отечественной военной социологии, отметим некоторые его особенности.

Первая. Формирование военной социологии, первоначально складывавшейся в виде социологии войны, происходило как в лоне социальной философии и общей социологии, так и в военных науках.

Вторая. В рамках российской социологической науки при всем разнообразии методологических подходов изучение войны как общественного феномена осуществлялось в основном посредством анализа ее воздействия на различные сферы жизни общества, при этом само содержание вооруженной борьбы из предмета рассмотрения исключалось.

Третья, В области военных наук преобладающее влияние позитивизма находило свое выражение в попытках создания синтетической «положительной» науки о войне — стратегии, понимаемой в широком смысле, которая могла бы установить незыблемые законы и принципы вооруженной борьбы. Научные поиски привели военных ученых в последние годы XIX века к рассмотрению в качестве таковой «социологии войны» (военной социологии) и постановке вопроса о необходимости ее выделения в качестве самостоятельной отрасли научного знания. В этот же период были предприняты первые попытки проведения в армии эмпирических исследований с использованием психологических и статистических методов.

Четвертая. Активное формирование социологического подхода к анализу процессов и явлений войны происходило практически во всех развитых странах мира при взаимном научном обмене и сотрудничестве. Отечественная военная социология вплоть до 1917 г. развивалась в русле мирового процесса развития данной науки, взгляды российских ученых отвечали требованиям того времени, а по некоторым вопросам даже опережали взгляды европейских и американских коллег.

Однако многое из накопленного на рубеже XIX—XX веков теоретического и эмпирического наследия российских ученых оказалось утраченным или невостребованным в последующие годы развития военной социологии.

Продолжение следует

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Штейнметц (Steinmetz) Рудольф Себальд* (1862—1940). Голландский этнолог и социолог. С 1900 г. преподаватель Лейденского, а затем Лейпцигскиго университеты. В 1907—1933 гг. профессор социальной географии и этнологии Амстердамского университета. Известный апологет войны как фактора общественного прогресса. Основатель амстердамской социологической школы, специализировавшейся на изучении географического контекста в жизнедеятельности социальных групп. Автор многочисленных трудов по этнологии и социологии; «Ethnologische Stidien zur erten Enwtcklung der Strafe» (1894); «Philosophic des Krieges» (1907); «Soziologiedes Krieges» (1929); «Inlcicting tot de Sociologie» (1931).

[2] *Ллойд (Lloyd) Генри* (1720—1783), Военный историк и теоретик. По национальности валлиец (Великобритания). Служил в армиях Нидерландов, Франции, Австрии, России и Пруссии. Участник

Семилетней (1756—1763) и русско-турецкой (1768—1774) войн (в последней — генерал-майор, командир дивизии русской армии). В трудах по истории Семилетней войны обобщил и изложил в виде определенной системы стратегию современной ему эпохи, ввел ряд новых понятий («базис военных действий», «операционная линия» и др.). Считается «отцом, науки стратегии» основы которой были изложены в его книге «Memoires militaires et politiques» (1801).

[3] *Бюлов (Bulov) Адам Генрих Дитрих фон* (1757—1807). Прусский военный писатель и теоретик* Сформулировал тезис о подчиненности стратегии политике, ввел некоторые понятия стратегии («базис войны», «база операционная», «стратегическое развертывание, и др.). Теоретические основы стратегии изложил в работе «Geist des neueren Kriegssystems» (1798).

[4] *Карл Людвиг Иоганн, эрцгерцог Австрийский* (1771—1847). Австрийский военный деятель и теоретик, генералиссимус (1806). Участник войн России и Австрии с Францией. В 1805—1809 гг. военный министр и главнокомандующий австрийской армией. После поражения в 1809 г, австрийских войск наполеоновской армии оставил высшие военные посты и стал вести частную жизнь. Автор трудов по военной истории и теории военного искусства, из которых наиболее известными являются: «Grundsatee der Strategic erlautert dureh die Darstellung des **Feldzungs** von 1796 in Deutsehland» (1814) u «Militarische Werke» (1862) [посмертная].

[5] *Жомини (Jomini) Антуан Анри (Генрих Вениаминович)* (1779—1869). Военный теоретик и историк, генерал от инфантерии русской армии (1826). С 1798 г. в швейцарской, в 1804—1813 гг. — во французской армии, в 1813—1855 гг. — на русской службе. Один из основателей в России военной академии. Обобщил опыт войн конца XVIII — начала XIX веков. Главный теоретический труд по стратегии «Tableau analytique des principales combinaisons de la guerre ou precis de l'art de la guerre» (1804).

Клаузевиц (Clausewitz) Карл фон (1780—1831). Немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии (1818). Участвовал в войнах с Францией (1806—-1807, 1812—1815); в 1812—1814 гг. на русской службе. В 1818—1830 гг. директор военного училища в Берлине. Последователь философии Гегеля, Канта и Фихте, сочетал прогрессивные буржуазные идеи с прусским национализмом. Сформулировал положение о войне как продолжении политики, которую рассматривал в качестве выражения интересов всего общества. Основной теоретический труд «Vom Kriege» (1832) оказал влияние на развитие военного искусства во многих странах мира.

[7] *Мольтке [старший] (Moltke) фон Хельмут Карл Бернхард* (1800—1891). Прусский и германский военный деятель, генерал-фельдмаршал (1871), военный теоретик, В 1858—1888 гг. начальник прусского (с 1871 г. — имперского) Генерального штаба, В войнах Пруссии с Австрией (1866) и Францией (1870—1871) начальник нолевого штаба, фактически главнокомандующий германской армией. Один из идеологов германского милитаризма. Проводил идею неизбежности войны и ее «цивилизующей» роли. Своими теоретическими разработками внес вклад в развитие стратегии («Uber Strategies» 1871).

[8] *Леер Генрих Антонович* (1829—1904). Русский военный теоретик и педагог, генерал от инфантерии (1896), член-корреспондент Петербургской Академии наук (1887). Окончил Военную академию (1854). Участвовал в кавказской войне (1817—1864). С 1865 г, профессор Академии Генерального штаба и Инженерной академии. В 1889—1898 гг. начальник Академии Генерального штаба. С 1896 г. член Военного совета. Главный редактор «Энциклопедии военных и морских наук» и «Обзора войн от Петра Великого до наших дней». Труды по стратегии, тактике и военной истории во многом повлияли на характер российских военных реформ и развитие военного искусства во второй половине XIX века («Стратегия» (1869, 1893—1899), «Метод военных наук; стратегии, тактики, военной истории» (1894), «Коренные вопросы» (1897) и др.),

[9] *Гибер (Guibert) Ипполит,* граф (1743—1790). Французский военный историк и писатель, маршал (1788). Научная деятельность касалась вопросов военного искусства, истории, политики и литературы. Основные идеи о соотношении политической науки и стратегии **нашли** воплощение в книге «Essai de tactique generate» (1772).

[10] *Драгомиров Михаил Иванович* (1830—1905). Русский военный теоретик и педагог, генерал от инфантерии (1891). Окончил Академию Генерального штаба (1856). Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В 1878—1888 гг. начальник Академии Генерального штаба, затем командующий войсками Киевского военного округа. С 1903 г. член Государственного совета. Автор трудов по военной истории, тактике, обучению и воспитанию войск.

[11] *Корф Николай Андреевич,* барон (1866—1917?). Русский военный теоретик, генерал-майор (1914). Окончил Пажеский корпус и Академию Генерального штаба. Участник русско-японской войны 1904—1905 гг. В 1906—1912 гг. заведующий печатной и картографической частью военно-исторической комиссии при Главном управлении Генерального штаба по описанию русско-японской войны. С 1913 г. командир 17-го стрелкового полка. С апреля 1916 г. по армейской пехоте резервный чин при штабе Двинского военного округа. В 1898 г. опубликовал книгу «Общее введение в стратегию» понимаемую в обширном смысле; «Этюды военных наук», задуманную им как первое произведение из цикла «Связь военных наук с общественными» (информацией о наличии других его работ из данной серии мы не располагаем). Сведения о дальнейшей судьбе Н.А. Корфа после 1917 г. не обнаружены.

[12] *Михневич Николай Петрович* (1849—1927). Русский военный теоретик и историк, генерал от инфантерим (1910). Окончил Академию Генерального штаба (1882). Участник русско-турецкой войны 1877— 1878 гг. С 1882 г. начальник кафедры, а в 1904—1907 гг. начальник Академии Генерального штаба. В 1907—1910 гг. командир дивизии и корпуса в 1911—1917 гг. начальник Главного штаба. С 1918 г. в Красной Армии, до 1925 г. преподаватель Артиллерийской академии РККА. Автор работ по стратегии, тактике, истории военного искусства. Основной труд «Стратегия» (1899—1901) был передовым для своего времени и оказал влияние на развитие русского военного искусства.

[13] *Шумков Герасим Егорович* (1873—192?). Русский медик, доктор медицины. Один из основоположников русской военной психиатрии. Во время русско-японской войны 1904—1905 гг. находился в действующей армии, осуществлял лечебную практику в психиатрическом госпитале Красного Креста в Харбине. В 1906—1917 гг. работал в медицинских учреждениях Киева, а затем в Санкт-Петербурге — в Военно-медицинской академии на кафедре неврологии и психиатрии под руководством В.М. Бехтерева. С 1908 г. возглавлял секцию военной психологии в общественной военно-научной организации офицеров Петербургского гарнизона — «Обществе ревнителей военных знаний». После 1917 г. осуществлял врачебную практику в Поволжье. Автор более 40 книг и статей по проблемам военной психологии и психиатрии, «Психика бойцов во время сражений» (1905), «Рассказы и наблюдения из настоящей русско-японской войны (Военно-психологические этюды) » (1905), «Первые шаги психиатрии во время русско-японской войны за 1904—1905 гг.» (1906), «"За" и "против" военной психологии» (1912), «Душевное состояние воинов в бою: в период затишья. Тревожное состояние» (1914), «Психика бойцов под первым артиллерийским обстрелом» (1914), «Душевное состояние воинов после боя» (1914) и др.

[14] *Милютин Дмитрий Алексеевич,* граф (1816—1912). Русский военный деятель и теоретик, генерал-фельдмаршал (1898), почетный член Петербургской Академии наук (1866). Окончил Военную академию (1836). В 1839—1845 гг. служил на Кавказе, С 1845 г. профессор Военной академии. В 1856—1859 гг. начальник Главного штаба Кавказской армии. В 1860 г. товарищ (зам.) военного министра, в 1861—1881 гг. военный министр. В 60—70-е годы организатор проведения в России военных реформ. Его труд «Первые опыты военной статистики» (1847—1848) заложил основы возникновения этой отрасли знания в России и создания кафедры военной статистики в Академии Генерального штаба (1847).

[15] *Режепо Петр Александрович* (1873—1919). Русский военный теоретик, полковник (1908). Окончил Полоцкий кадетский корпус, Павловское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба, В 1906—1911 гг. постоянный член военно-исторической комиссии при Главном управлении Генерального штаба по описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В 1912—1914 гг. начальник штаба пехотной дивизии, с 1918 г. — на службе в Красной Армии. В период необоснованных репрессий против военспецов покончил жизнь самоубийством. Автор ряда статистческих исследований офицерского состава Российской армии: «Статистика генералов» (1903), «Статистика полковников» 1905), «Офицерский вопрос» (1909), «Несколько мыслей по офицерскому вопросу» (1910) и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воробьев В.Я.* Социология военная/Социологический словарь. Минск: Университетское, 1991 С 379—380.
2. *Sorokin P.A.* Social and cultural dynamics. 4 v. New York, 1937—1941. V. III (Fluctuation of social revolutionships, War and Revolution). Chapts 9—14; *Wright Q. A* study of war, 2 v. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1942.
3. *Stoyffer S.A., Suchmon E.A., Vinney L.P. et al.* The American soldier: studies in social psychology in World War II. 4 v. Prinseton Univ. Press, 1949—1950.
4. *Пузик В.М.* Предмет и методы конкретных военно-социологических исследований. М: ВПА, 1971; *Дмитриев А.П.* Методология и методы военного исследования, М.: ВПА, 1973; *Война и армия: философско-социологический очерк /* Под ред. Волкогонова Д.А., Миловидова А.С., Тюшкевича С.А. Мл Воениздат, 1977; *Ковалев В.Н.* Социалистический военный коллектив: социологический очерк. М.: Воениздат, 1980; *Средин Г.В., Волкогонов Д.А., Коробейников МЛ.* Человек в современной войне. М.: Воениздат, 1981; Военно-социологическое исследование: методическое пособие по организации и проведению/ Под ред. Бородина Н.И., Чепурова В.М. М.: ИВИ МО СССР. 1987; *Кузьменко Б.В, Соловьев С.С.* Обработка и анализ данных военно-социологического исследования: методическое пособие. М.: ВПА, 1991; Введение в профессию: учебно-методическое пособие для войсковых психологов и социологов. М.: ЦВСППИ ВС 1992 и др.
5. Социологическая мысль в России: очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX века. Л.; Наука. Леиингр, отд-ние, 1978; *Кукушкина Е.И.* Русская социология XIX — начала XX вв. М.: Изд-во МГУ, 1993 и др,
6. Очерк истории социологической мысли в СССР (1917—1969). Л.: Наука. Ленинград. отд-ние, 1971; Биографии русских и советских социологов: к 70-летию Октябрьской революции 1917—1987/Под ред. Винклер Р.-Л., Голенковой З.Т. В 2-х томах. Berlin: ISSP AW DDR / ИС АН СССР,

1988; История становления советской социологической науки в 20—30-е годы. М: ИС АН СССР, 1989; *Осипов Г.В.* Социология и социализм. М.; Наука, 1990 и др.
7. *Бужкевич Н.Е.* Социологические проблемы войны и мира в СССР в 20-е годы: Автореф. дис. Л., 1974; *Сергеев В.П.* Развитие конкретных социологических исследований в Советских Вооруженных Силах, (историко-философский анализ); Автореф. дис. М., 1985; *Сокрут В.М.* Разработка и утверждение философских вопросов марксистско-ленинского учения о войне и мире на Украине в 20-х — начале 30-х годов: Автореф. дис. Киев, 1991.
8. *Ведерников В.Н., Регентов Г.П.* К вопросу о развитии русской военной социологии // Социол. исслед. 1985. № 4 С. 98—101.
9. *Серебрянников В.В.* Социология и перестройка в Советских Вооруженных Силах / Актуальные проблемы развития военной социологии в условиях перестройки армии и флота; Материалы науч.-практ. конф. М.; ВПА, 1990. С 3—27.

10. *Sorokin P.A.* Contemporary sociological theories. New York, Evanston, London; Harper & Row Publishers, 1928.
11. *Апостольский П.* «Нравственные основы настоящей войны» (1877); *Гумплович Л.* «Борьба рас» (1883); *Ревон М.* «Международный арбитраж» (1892); *Де Мэстр Ж.* «Война» (1893); *Янс М.* «О войне, мире и культуре» (1893); *Новиков Я.* «Война и предполагаемые выгоды» (1894); Ш*идловский А.О.* «О значении войны и мира для современного общества» (1895); *Лапуж В.* «Социальные отборы» (1896); *Ваккаро М.* «Социологические основы» (1898); *Молинари Г.* «Величие и упадок войны» (1898); *Ферреро Г.* «Милитаризм» (1898); *Тард Г.* «Социальные законы» (1899); *Штейнметц Р.С.* «Война как социологическая проблема» (1899) и «Философия войны» (1907); *Заболотный В.С.* «Опыт к рациональному разрешению вопроса; "Что такое война?" (Философский эскиз на почве субъективизма) » (1900); *Зиммель* Г. «Социология конфликта» (1904); *Введенский А.И.* «Дальне-восточная война с философской точки зрения, в связи с вопросом о войне вообще» (1905); *Дарьи Ж.* «Современная социальная роль офицера» (1906); *Константин А.* «Социальная роль войны» (1907); *Ферри Е.* «Социализм и положительные науки» (1909); *Самнер В.Г.* «Война и другие очерки» (1911); *Гуревич В.А.* «Социологический анализ проблемы мира и Первый конгресс» (1912); *Зомбарт В.* «Война и капитализм» (1913); *Иордан Д.С., Иордан Х.Е.* «Последствия войны» (1914); *Милютин В.П.* «О влиянии войны на состояние рабочих сил в России» (1914) и «Сельскохозяйственные рабочие и война» (1917); *Митчел П.С.* «Дарвинизм и война» (1915); *Келлаг В.* «Военный отбор и расовая предопределенность» (1916); *Кареев Н.И.* «О происхождении и значении теперешней войны» (1916); *Конвей М.* «Толпа времен мира и войны» (1916); *Сорокин П.А.* «Причины войны и пути к миру» (1917); *Рассел Б.* «Почему воюет человек» (1917); *Николаи Г.Ф.* «Биология войны» (1917); *фон Блох* «Война» (1917) И. Шумпетерс «Социология милитаризма» (1918), и др.
12. *Сорокин П.А.* Причины войны и условия мира // Новый журнал. 1944. № 7. С. 238—251.
13. *Novicow J.* War and its alleged benefits / Transl. by Selteer T. New York, 1911. (original; Novicow J. La guerre et ses pretendue bienfaits. Paris, 1849).
14. *Штейнметц Р.* Философия войны / Пер. с нем. Абрамова Г. Пг.: Образование, 1915.
15. *Sorokin P.A.* Contemporary sociological theories. New York, Evanston, London; Harper & Row Publishers, 1928. Chapt VI. P. 309—356; *Salomon G.* A propos des Sociologies de la Guerre // Revue Internationale de sociologies. 1938.466 -Ann. Septembre—Octobre. P. 423—442.
16. *Головин Н.Н.* Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж: Изд-во газеты «Сигнал», 1938.
17. *Клаузевиц К.* О войне / Пер. с нем. В 2-х томах. М.—Л.: Госвоениздат, 1932. Т. I.
18. *Корф Н.А.* Общее введение в стратегию, понимаемую в широком смысле (Этюды военных наук). СПб., 1897.
19. *Драгомиров М.И.* Разбор романа «Война и мир,. Киев: Изд-во Н.Я. Оглоблина, 1895.
20. *Леер Г.А.* Стратегия (Тактика театра военных действий). В 3-х частях. Ч. 1 СПб., 1893.
21. *Михневич Н.П.* Стратегия. В 2-х кн. Кн. 1. СПб., 1899.
22. *Каращан В. А.* Влияние школы В.М. Бехтерева на становление и развитие отечественной военной психологии // История и современное состояние экспериментальных исследований в отечественной психологии. М.: ИП АН СССР, 1989. С 68—76.
23. *Шумков* Г.Е.. Первые шаги психиатрии во время русско-японской войны за 1904—1905 гг. (Доклад на заседании Общества Киевских врачей 28 октября 1906 г.). Киев: Просвещение, 1907.
24. *Дружинин К.М.* Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту русско-японской войны 1904—1905 годов. СПб.: Русская скоропечатня, 1910.
25. *Коропчевский А. А.* «Психология войны» (1892); *Халтурин В.Н.* «Психологическое обоснование воинской дисциплины; Критический очерк» (1896); *Зыков А.В.* «Как и чем направляются люди: Опыт военной психологии» (1898); *Корф Н.А.* «О воспитании воли военоначальников» (1906); *Головин Н.Н.* «Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека, как бойца, (1907); *Изместьев П.И.* «Из области военной психологии» (1907); *Резанов А.С.* «Военная психология как наука» (1909) и «Армия и толпа: Опыт военной психологии в связи с психологией толпы» (1910); *Угах-Огорошич НА.* «Военная психология» (1911) и «Психология толпы и армии» (1911); *Орлов Н.А.* «Нравственный элемент в военном деле» (1914); *Бехтерев В.М.* «Моральные

итоги великой мировой войны» (1915); *Кузьмин С.А.* «Война народов (Психологический очерк), (1915); *Пепелищев В.Е.* «Душа русского воина (Историко-психологический очерк) » (1917) и др.
26. *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882.
27. *Милютин Д.А.* «Первые опыты военной статистики». В 2-х томах (1847—1848); *Макшеев А.И.* «Военно-статистическое обозрение Российской империи» (1867); «Переменный состав контингентов армии и мужского населения Европейской России» (1875); «Статистические сведения о числе грамотных и неграмотных новобранцев, принятых на службу в войска в 1896—1899 годах» (1900); *Режепо П.А.* «Статистика генералов» (1903) и «Статистика полковников» (1905); *Рубакин К.А.* «Военная бюрократия в цифрах» (1906); *Богуславский Н.Д.* «Военно-статистическое обозрение Российской империи и основы военной статистики» (1906); *Оберучев К.М.* «Наши командиры; Опыт статистического исследования служебного движения офицеров» (1910); «Военно-статистический ежегодник армии» (1910—1914) и др.
28. *Оберучев К.М.* Наши военные вожди. М., 1909.
29. *Агеев А.* Офицеры Русского Генерального штаба об опыте русско-японской войны // Воен.-ист журн. 1975. №8.
30. Записка по вопросу о постановке преподавания в Николаевской академии Генерального штаба. (Составлена на основании ответов офицеров Генерального штаба — участников войны 1904—1905 гг. на обращение начальника академии в марте 1906 года от 15 сентября 1906 г.) / РГВИА. Ф, 544. Оп. 1. Д. 1333. Л. 46—47.
31. *Головин Н.Н.* Опыт применения прикладного метода обучения на младшем курсе Императорской Николаевской Военной академии. СПб., 1912.